

Сапон В.П., профессор
кафедры истории России и
вспомогательных дисциплин Нижегородского государственного
педагогического университета им. Козьмы Минина

Февраль и Октябрь 1917 г. в Нижнем Новгороде: слухи как элемент революции

При описании событий Февральской революции в Нижнем Новгороде основной упор делался на оживлении работы партийных комитетов левых партий, на целенаправленной организации трудящихся масс силами леворадикального подполья (которое, впрочем, было обескровлено в ходе жандармских репрессий на рубеже 1916–1917 годов¹). Так, видный нижегородский историк и современник событий В.Т. Илларионов утверждал, что «за несколько дней до революции подполье значительно оживилось». Это выразилось в том, что «начали созываться сходки, оживилась работа партийных комитетов, на которых “неизвестными” делались сообщения о событиях на фронте, в столицах, в крупных рабочих районах, и получалась путем шифрованных телеграмм информация от центральных партийных учреждений»².

Однако в действительности для указанных общественно-политических процессов, особенно на «низовом» уровне, более характерными оказались такие

качества, как спонтанность и неопределенность, при этом важным психологическим элементом революционной обстановки стали слухи.

Кстати, слухи – как правило, антиправительственного содержания – активно распространялись по городам и весям губернии еще до крушения самодержавия. Например, в начале декабря 1916 г. начальнику НГЖУ стала известна невероятная история, рассказанная каким-то солдатом в магазине на Большой Покровской улице (в центре Нижнего Новгорода): «им (солдатам) ротный командир объявил, что в Петрограде совершается что-то важное, что будто Государь даже арестован»³. Не менее тревожные слухи отслеживала военная цензура. Так, 14 ноября 1916 г. через почтовое отделение Панино русскому военнопленному Александру Кряжеву была отправлена посылка с письмом. Автор письма, видимо, отец Александра, сетовал на то, что скоро на воинскую службу будут брать стариков от 55 лет и старше, «останутся у нас одни малы дети да женщины, да немощные старики». В этом же письме звучала и другая крамольная мысль: «...для нас по волостям навозили пулеметов и, похоже, что это припасли для нас: у нас хлеба не будет, нас с пулеметов и накормят»⁴.

Слухи как влиятельный спутник общественных настроений нередко упоминаются и в описаниях революционных событий 1917 года. Вот, например, как излагалась версия событий в заметке «Февральские события в Нижнем Новгороде», опубликованной в 1920 году:

«Конец февраля, – вспоминал анонимный очевидец, – приносил лишь друг от друга передаваемые, не проверенные, слухи, которые росли и множились с

невероятной быстротой и часто теряли всякое подобие достоверности. Лишь чувствовалось нарастание чего-то огромного, важного, тревожного...

С лихорадочной поспешностью рвались газеты из рук разносчиков...

Но там ничего не было.

Еще 26 февраля нижегородские газеты имели обыкновенный будничный вид.

Телефон Петроград – Москва – Нижний не работал.

Агентские телеграммы отличались сухостью, безжизненностью и не давали ответа на волнующие вопросы.

Столичных газет не было.

Тревога росла...

Наконец, 28 февраля появился указ о роспуске Государственной Думы и перепечатки из “Земщины” объявления генерала Хабалова, что ввиду происходящих в Петрограде беспорядков, войскам подтверждено употребление в дело оружия и отдан приказ не останавливаться ни перед чем для водворения порядка.

Повторение старого.

Патронов не жалеть...

Чувствовалось, что там, в центре, решается судьба отечества.

Ожидание становилось мучительным.

Хотелось быть там в эти великие исторические дни, принять участие в трудной борьбе.

Наконец неизвестность разрешилась.

Переворот совершен.

Нельзя сказать, чтобы он застал нижегородцев подготовленными.

Царила полная растерянность, неуверенность. Не было организованности (курсив наш. – В.С.)»⁵.

Это уже в более поздние времена мемуаристы и исследователи воспроизводили в своих работах впечатляющую картину многотысячных краснознаменных демонстраций трудящихся, которые чуть ли не автоматически стали мощным залогом осуществлявшейся смены власти в марте 1917 года. Реальность оказалась намного сложнее.

Одна местная газета по самым свежим следам описала «нижегородскую бескровную революцию» так: «Тогда (1 марта 1917 г. – В.С.) многотысячная толпа шла почти молча, сосредоточенно *с сознанием великого подвига, свершаемого ею во имя завоевания свободы.* Впереди стоял неразгаданный сфинкс – войска, и где-то в глубине души у многих гнездились сомнения – легко ли завершится переход гарнизона к новому порядку... (курсив наш. – В.С.)»⁶. Именно туманность исторической перспективы и неопределенность даже ближайших политических итогов создавали благоприятные условия для разного рода домыслов.

Состояние всеобщей тревоги и неопределенности, приправленное соответствующими слухами, было характерно и для октябрьского периода. Еще 20 октября 1917 г. в Нижнем Новгороде, так же как и в столице, ждали большевистского путча в связи с предполагаемым открытием Всероссийского съезда Советов. «Наступает 20 октября, – предвещала меньшевистская газета

«Жизнь». – День, который по всем слухам тов[арищи] большевики назначают днем своего выступления. Правда, тов. большевики официально еще не заявили об этом. Но и в их молчании по поводу всех этих слухов чувствуется подтверждение всем этим слухам. И оно слышится и во всех их призывах сейчас бороться за захват власти»⁷.

Никаких эксцессов в «предсказанный» день не последовало (не состоялся и съезд), тем не менее, на охрану порядка в Нижнем Новгороде была брошена вся милиция, а также специально созданная сводная караульная рота из шестисот солдат и офицеров. В резерве в состоянии боевой готовности находились части гарнизона.

На следующий день губернский город узнал о новой гипотетической угрозе: в Нижегородский совет рабочих и солдатских депутатов пришла телеграмма, сообщавшая, что «с фронта двинута карательная экспедиция для подавления внутренней анархии. Решено послать 12 экспедиций в разные места»⁸. Телеграмма породила немало разговоров и предположений о нависшей над Нижним Новгородом опасности.

23 октября 1917 г. в Нижний Новгород по распоряжению командования Московского военного округа прибыли два эскадрона драгун – согласно официальной версии, для охраны хлеба, заготовленного по заданию министерства продовольствия, и поддержания порядка в Арзамасе⁹. Но передислокацию кавалерии можно было вполне рассматривать и как подготовку удара по «темным силам». Вечером того же дня губернский комиссар М.И. Сумгин провел беседу с членами Временного комитета

общественной безопасности, сформированного 15 октября Городской думой, и дал согласие на передачу КОБу 500 берданок из гарнизонных запасов. Губкомиссар подчеркнул, что, весьма вероятно, «населению, в конце концов, придется принять участие в открытой схватке с темными элементами, выступающими под флагом большевизма»¹⁰.

24 октября 1917 г. на заседании Биржевого общества его председатель Н.М. Башкиров поставил вопрос об организации добровольческой боевой дружины в целях самообороны населения в преддверии повторения июльских событий. На эти цели Общество ассигновало 10 тыс. руб., которые тут же пошли на закупку оружия¹¹. (Кстати, в газете «Русское слово» сообщалось, что экстренное собрание Нижегородского биржевого общества по вопросу организации самоохраны состоялось еще 13 октября, причем «поводом к этому решению послужили распространяемые проскрипционные списки, в которые внесены состоятельные горожане и евреи. Временем погрома назначено 12–20 октября. Под каким флагом предполагается погром, на собрании не выяснено»¹².)

В это же день министр внутренних дел направил губернским комиссарам телеграммы, в которых предписывал представителям Временного правительства «в случае возникновения беспорядков или попыток захвата... принять самые решительные меры к подавлению их, опираясь на все здоровые силы местного населения». «Не поддавайтесь ложным слухам о событиях в Петрограде, где все спокойно», – призвал министр А.М. Никитин¹³. Отметим, что заявление о спокойствии в столице, с учетом разворачивавшихся там

революционных событий, тоже оказалось примером недостоверной информации.

25 октября 1917 г. в Нижний Новгород пришли тревожные сообщения о восстании в Петрограде, в связи с чем состоялось сначала заседание Временного революционного комитета (под председательством меньшевика П.Ф. Налетова), а затем экстренное объединенное заседание исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временного ревкома и представителей социалистических партий (под председательством эсера В.Б. Либина)¹⁴. «По обсуждении всех кратких и отрывочных сведений о политических событиях дня было решено пока воздержаться от каких бы то ни было выступлений в ту или иную сторону и опубликовать особое воззвание с призывом населения и гарнизона к спокойствию»¹⁵. Примечательно, что это воззвание поручили составить большевику Биткеру и эсеру Либину. Было также установлено дежурство уполномоченных лиц на телеграфе – по двое от эсеров, меньшевиков и большевиков¹⁶.

Нижегородские большевики в этот день получили от Московского областного бюро РСДРП(б) директиву о подготовке к выступлению, после чего на заседании губкома партии было решено принять меры по захвату власти в городе и губернии. Местное большевистское руководство раскололось на два течения – сторонников и противников решительного захвата власти в городе и губернии¹⁷. Судя по всему, поначалу возобладали сторонники умеренной политической линии, именно поэтому Г.С. Биткер и другие «мягкие» большевики активно включились в антикризисную работу совместно с эсерами

и меньшевиками. О нерешительности, по сравнению с тактикой Центрального комитета партии, лидеров Нижегородской организации РСДРП(б) свидетельствовал и тот факт, что окончательное решение вопроса было отложено до общего собрания губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, намеченного на следующий день.

Вполне вероятно, что на тактику ленинцев в Нижнем Новгороде как раз и повлияло отсутствие достоверной информации о событиях в центре. Так, 27 октября 1917 г. в газете «Нижегородский листок» была опубликована заметка «Ликвидация мятежа», которая передавала сведения «из официальных источников», больше похожие на непроверенные слухи: «...Казачи явились к Временному правительству и потребовали полной свободы действий. Требование их было удовлетворено. В результате – все быстро и решительно ликвидировано.

Ленин, говорят, спасся на “Авроре”.

Переданные ранее московскими вечерними газетами сведения об аресте правительства оказались вымышленными, исходящими из большевистских кругов».

А 29 октября орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о) «Жизнь» перепечатала заметку из московской эсеровской газеты «Труд» такого содержания: «Петроград взят верными правительству и демократии войсками.

Большевистский “Революционный Комитет” бежал»¹⁸.

В обстановке недостатка достоверной информации непродуманный радикализм мог стоить нижегородским большевикам не только потери

политической репутации, как уже произошло в июле, но, как минимум, привести к ликвидации партийной организации. Именно поэтому возглавленная ими осенью 1917 года советизация власти в губернии затянулась на несколько недель. Таким образом, слухи, на протяжении всего революционного года являлись не только составной частью обывательского общественного мнения, но и превратились в весомые факторы информационно-психологической войны, весомо влиявшие на тактику политических сил.

Примечания:

¹ См. подробнее об упомянутых репрессиях: *Сапон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): Монография. Н. Новгород: НФ УРАО, 2014. С. 111–115, 129–130.

² *Илларионов В.* Революционное движение пролетариата в Нижегородской губернии // Нижегородский край. Ч. 3. Общество: Пособие для учителей школ I и II ступени. Н. Новгород, 1926. С. 154.

³ Центральный архив Нижегородской губернии (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8. Д. 568. Л. 281.

⁴ См.: ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2633. Л. 108.

⁵ Февральские дни в Н.-Новгороде // Нижегородская коммуна. 1920. № 57 (12 марта). С. 3.

⁶ Я. Манифестации и митинги // Волгарь (Нижний Новгород). 1917. № 73 (17 марта). С. 2.

⁷ Н-Новгород, 18 октября 1917 г. // Жизнь (Нижний Новгород). 1917. № 65 (18 октября). С. 2.

⁸ Материалы по истории революционного движения. Под ред. В.Т. Илларионова. Т. 3. Н. Новгород, 1922. С. 81.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Там же. С. 93, 95.

¹² Русское слово. 1917. № 236 (15 октября). С. 5.

¹³ Телеграмма министра внутренних дел // Нижегородский листок (далее – НЛ). 1917. № 253 (26 октября). С. 1.

¹⁴ К событиям дня // НЛ. 1917. № 254 (27 октября). С. 3.

¹⁵ К событиям дня в Нижнем // НЛ. 1917. № 253 (26 октября). С. 3.

¹⁶ К событиям дня // НЛ. 1917. № 254. 27 октября. С. 3.

¹⁷ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов / Под ред. А.И. Великоречина и К.Г. Селезнева. Горький: Горьковское книжное издательство, 1957. С. 329.

¹⁸ Ликвидация восстания // Жизнь. 1917. № 75 (29 октября). С. 2.